

[БЕСПЛАТНЫЙ ФРАГМЕНТ КНИГИ «В РАБСТВО НА ЭКСКУРСИЮ».](#)

[АВТОР НАТАЛЬЯ БЕССОНОВА](#)

«В какой же переплет ты попала, девчонка глупая? — в который раз подумала Надежда. — Где тебя искать?»

Этот вопрос терзал ее четвертый день — с того момента, когда из московской гостиницы внезапно исчезла молодая девушка, на поиски которой Надежда и примчалась в Стамбул. На раскидистой ветке платана сидели два зеленых попугая, каждый размером с сороку, и о чем-то деловито переговаривались. Надежда пришла в умиление от такой картины: раньше попугаев она видела только в клетках. Причина, которая привела ее сюда, вовсе не предполагала лирических отступлений, но вряд ли могла повлиять на ее неунывающий характер и способность удивляться окружающему миру.

В прозрачной лужице близ фонтана плескались жизнерадостные воробьи. Пенные струи, поочередно меняя высоту и напор, весело искрились на солнце. Виды, открывающиеся с площади, могли поразить воображение любого человека, оказавшегося здесь впервые: с одной стороны — величественные стены легендарного храма Святой Софии, или, как его называют здесь, — Айя-София, с другой — изящная мечеть султана Ахмеда Первого, она же — Голубая мечеть, окруженная шестью минаретами.

Надежда находилась в самом сердце Стамбула, в одном из самых его примечательных мест: в районе Фатих, на древней площади Султанлахмет — в историческом центре столицы трех великих империй.

«Задохнуться можно от восторга!» — подумала женщина. Но ни чарующая магия знаменитого места, ни умиротворяющий плеск воды в фонтане не могли заглушить ее волнения и тревоги. Мысли Надежды путались, то выдергивая из памяти какие-то известные ей исторические события, связанные с этим древним городом, то возвращаясь в день сегодняшний. Где-то здесь, неподалеку, столетия назад располагался невольничий рынок. Давно миновали те времена, когда работорговля во многих цивилизованных странах считалась обычным делом. Но до сих пор в криминальных сводках периодически встречается информация о задержании преступников, замешанных в похищениях людей. Как бы дико это ни звучало, но даже сейчас в мире имеют место торговля живым товаром и рабство... хоть это и противозаконно. Такая вот объективная современная реальность, ничем не уступающая по жестокости нравам Средневековья...

Глава 1

Надежда Устинова, председатель регионального отделения одной из многочисленных политических партий России, везла делегацию на очередной съезд...

Типичная представительница нового времени, она мало чем отличалась от женщин своего круга. Если жизненные обстоятельства заставляли ее быть сильной и самодостаточной, то преодолевая собственную слабость, комплексы и страхи, она таковой становилась. Хотя бы — ненадолго, пока это требовалось. Инженер-строитель по образованию, Надежда успела поработать по основной специальности и, как многие ее коллеги, не раз сменила квалификацию в лихие девяностые. Нельзя сказать, что все ей давалось легко, но, взявшись за какую-то работу, через некоторое время она искренне полагала, что именно эта работа — ее любимая. Теперь Надежда с увлечением занималась преподавательской деятельностью.

Пытаясь противостоять житейским трудностям и социальной несправедливости, женщина принялась за политику. Случилось это с легкой руки бывшего мужа, порекомендовавшего ее кандидатуру нужным людям. А что самое главное — в ней жило неборимое стремление изменить мир или хотя бы жизнь в своей, отдельно взятой стране к лучшему. Намереваясь осуществить это заветное желание, она с радостью ухватилась за идею создания регионального отделения одной из оппозиционных партий. Вопрос о том, получится у нее это или нет, Надежда не рассматривала. Ее жизненное кредо: «И медведя можно научить на мотоцикле кататься». Уверенность в том, что она не менее способна и обучаема, чем медведи, подстегивала Надю всякий раз, когда ей приходилось осваивать новую профессию или начинать непривычное, но нужное дело.

Ее имя вполне соответствовало характеру: надежды она никогда не теряла. Пройдя сквозь множество житейских бурь и волнений, Надя могла быть благоразумной и рассудительной, а могла — бесшабашной и взбалмошной, но всегда оставалась отчаянно любящей жизнь, открытой к общению и доверчивой...

Командировка в Москву начиналась, как всегда, шумно и весело. Друзья-партийцы еще в аэропорту, ожидая посадки, начали бурно обсуждать самые разные вопросы, связанные с предстоящим путешествием в столицу...

Самолет лениво тронулся с места, побежал по взлетной полосе, разогнался и совсем незаметно для пассажиров оторвался от земли. Прозрачная утренняя дымка поплыла за иллюминаторами. Надежде нравилось сидеть у окошка: можно было наблюдать за облаками, за удаляющимися вдаль поселками и городами с крошечными зданиями, похожими на спичечные коробочки. В ясную погоду при наборе высоты она легко могла отыскать свой микрорайон и даже дом.

Вот и сейчас среди городских кварталов она без труда нашла коробочку-девятиэтажку, в одной из квартир которой, на девятом этаже, еще, должно быть, подремывали ее домочадцы: Аленка, она же — Лапочка-дочка, студентка первого курса педагогического университета, и Прелестница-кошка — очаровательная, но своенравная зверушка породы «невская маскарадная». При мысли о них на душе у Надежды потеплело...

В этот раз на съезд летело шесть делегатов, включая Устинову. Земляки-партийцы занимали весь ряд в салоне воздушного судна.

— Как настроение, Иринка? — обратилась она к расположившейся рядом белокурой девушке.

— Хорошо, — ответила та.

— Пересядешь на мое место? В окошечко посмотришь...

— Нет, не надо! Очень уж высоко... еще голова закружится. Ирина, студентка художественно-педагогического колледжа, в котором преподавала Надежда, летела в самолете первый раз в жизни. Отличница, активистка, заместитель председателя городского молодежного отделения партии. Ей уже исполнилось восемнадцать, и она имела полное право быть делегатом взрослого партийного съезда.

Справа от Ирины сидела Наталья Федоровна — закадычная подруга Надежды и одна из рядовых активисток партии. Она уже много лет трудилась бухгалтером на железнодорожном вокзале. На противоположной стороне у иллюминатора пристроился Сергей Валентинович, или просто Серега — врач по профессии и первый заместитель председателя, то есть Надежды. Один из основателей регионального отделения, Серега принимал активное участие во всех партийных делах — вплоть до разгрузки вагонов с агитационными материалами и расклейки листовок. Из-за

довольно плотного телосложения выглядел Серега несколько старше своих тридцати лет, но это его совсем не портило и ничуть не смущало. Веселый нрав, кудрявая шевелюра и белозубая улыбка делали его вполне симпатичным малым. Шутник и балагур, он любую ситуацию легко мог превратить в повод для веселья и пересказывать ее позже, как анекдот. Вот и сейчас он, жестикулируя, со смехом что-то говорил соседу.

Тот спокойно улыбался в ответ. Василий Николаевич — надежный помощник и второй заместитель председателя, безотказно приходивший по первому зову и беспредельно доверяющий Надежде не только в политических, но и в любых других вопросах. Трудился Василий инженером на одном из заводов.

В крайнем кресле «мужского ряда» с невозмутимым видом листал журнал Станислав Анатольевич, или просто Стас, как называли его друзья и коллеги. Интеллигентный мужчина сорока пяти лет, спортивного телосложения, с благородной проседью, с усами и в очках. Стас был учредителем и директором небольшой проектной организации, в которой Устинова уже много лет периодически подрабатывала. Поддавшись на уговоры и убеждения Надежды, Стас вступил в партию, неоднократно бывал на съездах в качестве делегата, а однажды даже баллотировался кандидатом в депутаты Государственной Думы. Справедливости ради стоит отметить, что особых надежд на успех партии Стас не питал, а поддерживал друзей-партийцев просто так, из солидарности. В качестве юридического адреса регионального отделения в документах числился адрес его проектной организации.

К партийным делам Надежда, конечно, привлекла и Лапочку-дочку. В числе первых вступила в партию и мама Надежды, Лилия Семеновна, работающая библиотекарем в одном из местных вузов. О профессионализме Лилии Семеновны ходили легенды в студенческой среде города, чем Надежда и Аленка по праву гордились. «Она не только прекрасный библиотекарь и отзывчивый человек, она — ходячая энциклопедия!» — делились впечатлениями «мученики науки». Лилия Семеновна разделяла политические взгляды дочери и внуки, а если в чем-то была с ними не согласна, то, не сумев разубедить, все равно их поддерживала, как истинная мама и бабушка.

За время полета друзья-соратники успели и подремать, и пообщаться. Наконец воздушное судно приземлилось в аэропорту Домодедово.

Надежда везла собранные подписи по очередной кампании и документы для съезда: протокол региональной конференции и анкеты делегатов. Ее сумку взялся нести Василий, проявив неожиданную галантность.

— Ого! Надежда, ты кирпичи, что ли, везешь? — предположил Василий Николаевич, забрав тяжелую ношу из слабых женских рук.

— Там документы и подписные листы. Без этих бумажек нас и в гостинице не поселят, и месяц проделанной работы людям не оплатят! — ответила Надя.

В настоящий момент проводилась работа по сбору подписей за очередное «правое дело».

— А-а-а! Важная сумка! — с наигранным почтением произнес Василий.

— Ой, вон маршрутка едет! — радостно сообщила Ирина, которой, видимо, не терпелось попасть поскорее в Москву, где раньше она никогда не бывала. — Это наша?

— Нет, пока не наша, — весело ответил Серега.

— А какая — наша? — спросила девушка.

— Вот сейчас эта доедет до конца, всех высадит, развернется и сразу будет наша, — Серега был в своем репертуаре.

По поводу «важной сумки» и Васиной беспримерной галантности Серега отпустил очередную безобидную шутку, все посмеялись и расселись в микроавтобусе.

До станции метро «Домодедовская» добрались минут за тридцать пять. Маршрутное такси, высадив пассажиров, тихо покатило на место кратковременной стоянки. Василию захотелось пить, все зашли в ближайший киоск. Купили по коробочке сока и неторопливо двинулись дальше к вестибюлю метро.

— А где моя сумка, Вася? — поинтересовалась вдруг Надежда, не увидев своей поклажи в руках «соратника по борьбе».

— Как — где? А ты ее не взяла? — растерянно спросил Василий.

— Откуда я ее не взяла, Вася? — не на шутку заволновалась Надя.

— Так... из маршрутки, — совсем растерялся он.

Все обомлели.

— Вася, там же документы: протоколы, подписные листы, — повторила Устинова, — что делать-то?! — В голове пронеслась масса возможных неприятностей...

— Василий, ты в маршрутке документы партии забыл! Святая святых! — театрально воскликнул Стас.

— Я вот никак не пойму, это у тебя сарказм такой или ирония? — Надежда с возмущением посмотрела на Стаса. Иронизировать, даже по серьезному поводу и в самый неподходящий момент, было вполне в его стиле.

— Это здоровый юмор, госпожа председатель! А ты, между прочим, как зеницу ока беречь документы должна... в силу возложенных на тебя обязанностей... и полномочий...

— Ой, мама, — в бессилии простонала Надя. — Ну, Вася!
— Ну, что стоим? Где эта... вражеская маршрутка? — воскликнул Серега.
Вся веселая компания, кроме Стаса, дружно бросилась назад, на место стоянки маршрутных такси, где несколько микроавтобусов ожидали своих пассажиров. Стас же направился размеренным шагом совсем в другом направлении.
— Какая из них наша? — Надежда заметалась между микроавтобусами.
— Да вот эта, номер на семерку заканчивается, я точно помню, — заявил Серега.
— Не только у этой номер на семерку заканчивается, — возразил Василий, который чувствовал себя виноватым.
Дружная компания соратников по борьбе за построение гражданского общества в России смешно носилась между микроавтобусами.
— Ой, вон она, с синей полоской, и номер на семерочку заканчивается! Уже отъезжает от остановки, — закричала Наталья, — я ее узнала! Стой, стой! Ой, не успеем!
Маршрутное такси, набрав пассажиров, тронулось с места и медленно двинулось в сторону трассы на Домодедово, но вдруг остановилось, прижавшись к тротуару. Подбежав, партийцы увидели Стаса, спокойно беседующего с водителем.
— Стас, а ты как здесь очутился? — удивилась Надежда.
— Так я же не бегал туда-сюда по стоянке, как ошпаренный! Я сразу пошел навстречу предполагаемому движению микроавтобуса, — ответил он. — А вы носитесь как угорелые, вместо того чтобы спросить... у знающих людей...
— Ну да, во всем должен быть инженерный подход... анализ и расчет! — согласилась Надя. — Как же я не подумала! Молодец! — засмеялась она.
— А то, — с наигранной важностью согласился Стас.
Василий открыл дверь и буквально ворвался в салон. За ним вошли Серега и Надежда, как группа поддержки. Удивленные пассажиры с любопытством поглядывали на взъерошенную компанию. Сумка стояла на месте — там, где ее оставил Вася.
Устинова сама схватила свою драгоценную поклажу, и все трое быстро покинули маршрутку. Василий с виноватым видом пытался отнять у Надежды багаж:
— Да ладно, давай уж понесу. Не забуду теперь!
— Спасибо за заботу, дорогой товарищ! — ответила она, но сумку не отдала.
— Не отдавай, Надежда! Документы партии — вещь серьезная, — заметил Стас со своей обычной иронией, — нашему брату такую ценность доверять нельзя!
— А я «вашему брату» не особенно-то и доверяю! Я доверяю товарищам по партии, — улыбнулась Надя.
— Фу-у! Ну, вы, ребята, даете! С вами не соскучишься! Разве можно так несерьезно к документам относиться? — задал риторический вопрос Серега.
— Да ладно тебе, все уже поняли! — ответила за всех Наталья.
— Нет, а представляете, как бы мы выглядели, если бы сумка не нашлась? — продолжал Серега.
— В гостиницу бы не заселили! За подписи бы не заплатили! И даже все наши билеты в этой сумке! А на обратную дорогу денег нет! Глядишь, и милостыню просить бы пришлось! — и он заразительно рассмеялся свойственным только ему, совершенно беззаботным и каким-то шутовским смехом.
— А тебе, Серега, милостыню никто не дал бы! Не тот у тебя вид! Нищие все худые, голодные и обросшие, а ты — вполне упитанный и гладко побритый! — сказал Василий, забрав все-таки у смеющейся Надежды ее тяжелую ценную сумку.

В фойе гостиницы «Альфа» Надежда увидела несколько знакомых лиц — друзей-партийцев из разных регионов России. За много лет совместной работы они стали не просто товарищами-единомышленниками, но почти родными людьми.
— Привет, Наденька! — Виктор Николаевич, председатель Новгородского отделения, по-дружески обнял Надежду, обрадовавшись встрече. — Как дела?
Подшли Валерий из Костромы, Игорь из Саратова. За стойкой заполняли гостевые анкеты еще несколько однопартийцев. Теплые рукопожатия, такие родные лица... Как радостны были такие моменты!
Присев за один из журнальных столиков в холле, анкеты заполняла прекрасная половина партийного актива. Людмила Константиновна, врач из Волгограда — женщина, если можно так выразиться, «младшего пенсионного возраста», но очень бодрая, симпатичная и веселая. С ней Надежда подружилась лет пять назад.
— Ты, Наденька, подрастающее поколение привезла, — приветливо поздоровавшись, заметила она, — и я вот тоже студентов решила приобщить, — она кивнула на сидящих за соседним столиком двоих молодых людей.
Здесь же анкету заполняла улыбчивая Раечка — руководитель Удмуртского отделения, преподаватель философии в университете. Рядом в кожаных креслах устроились Ирина — детский врач из Ульяновска и Марина — учитель танцев из Перми. Последние трое были примерно одного возраста с Надеждой. Поздоровавшись и чмокнув всех в румяны щечки, она

присела рядом. Эти милые дамы общались между собой не только по партийным вопросам, но иногда могли просто потрещать о своем, о женском: поделиться секретами, рассказать о проблемах, при случае дать друг другу парочку дельных советов...

После ужина партийцы собрались в кафе на первом этаже гостиницы. Обсуждали наболевшие вопросы. Сидели небольшими компаниями, каждая из которых могла в какой-то момент запросто присоединиться к любой другой.

Надежда и Ирина заняли столик вместе с Германом Юрьевичем и Владимиром Ивановичем из Екатеринбурга. Пили кофе, беседовали. Друзья-земляки тоже были здесь, в зоне видимости. Чуть позже подошел Виктор Николаевич. Герман затронул вопрос о малочисленности органов местного самоуправления и трудностях работы с людьми.

— А я вот считаю, что в городском Совете должно быть больше молодежи, представителей студенчества, — заявила вдруг Ирина.

— О как! — Герман не сдержал улыбки, удивленный категоричностью девушки.

— И не только в городском Совете, но и в местных, и во всех органах законодательной власти! И в Государственной думе — тоже, — продолжала Ира со свойственным ей максимализмом.

— Но прежде чем войти в состав органов власти, молодые люди должны чему-то научиться... приобрести жизненный опыт, получить образование... Да и избиратели им должны поверить, а иначе, этсамое, не изберут, — терпеливо объяснял Владимир Иванович. Его характерное «этсамое» звучало вовсе не как слово-паразит, а, наоборот, добавляло выразительности и убедительности произносимой фразе.

— Но ведь взрослые, а особенно пожилые люди не понимают проблем молодежи! Вы мыслите постарому! Взгляды тоже бывают устаревшими, как и мода, — не сдавалась Ирина.

— Иришка, ты о чем вообще? Где ты здесь пожилых видишь? И чьи это взгляды считаешь устаревшими? — с шутливым возмущением спросила Надежда. — Да ты хоть знаешь, с кем споришь? Неудобно даже! Я себе не всегда... могу такое позволить! — добавила она шепотом и уже серьезно, стараясь, чтобы эти слова услышала только Ирина.

Наде было неловко от неуместной болтовни подопечной и от ее неприкрытого стремления обратить на себя внимание.

— Да ладно, Надюша, пусть девочка поговорит, — Владимир Иванович понимающе улыбнулся.

— Но ведь я же права, Надежда Владимировна! Ведь взрослые люди молодыми были совсем в другое время, тогда все было... иначе, — не унималась Иринка.

Подошел Игорь, держа в руках бокалы и бутылку красного сухого вина.

— Можно к вам присоединиться? — спросил он, помогая мужчинам придвинуть вплотную к их столу соседний квадратный столик. — О чем столь жаркий спор?

Кто-то принес коробку конфет, порезанный дольками апельсин. Разлили вино.

— Молодежи-то нальем немного? — спросили у Нади.

— Ирине — только глоток, для крепкого сна, — разрешила она.

Дискуссия продолжалась.

Иринкины неуклюжие попытки философствования казались Надежде забавными.

«Совсем еще ребенок, — подумала она, — умненький ребенок, который привык прилежно учить уроки, повторять заученные книжные фразы, не сомневаясь в их правильности, и ожидающий за свою старательность одобрения взрослых».

Иринка между тем приводила цитаты Платона о демократии, стараясь удивить своими познаниями умудренных опытом людей, которым пришлось быть участниками многих политических акций и событий. А они с улыбкой наблюдали за ней, пытаясь в ряду произносимых вчерашней школьницей прописных истин различить ее собственное мнение.

Надежда старалась больше не вмешиваться в ход дискуссии.

— А что такое, по-вашему, демократия? — вдруг спросила Ирина.

— Демократия — это не «по-вашему» и не «по-нашему». Это политический режим, основанный на коллективном принятии решений, — улыбнулся Герман.

— Демократия разная бывает, — включился в дискуссию Виктор Николаевич. — В Древнем Риме, например, тоже ведь имел место демократический способ общественно-политического устройства, несмотря на рабовладельческий строй. Только на рабов демократические свободы не распространялись. Историю-то в школе изучала, наверное?

— Конечно, изучала! И не только историю, еще и другие общественные науки! У меня по ним пятерки, — похвалилась бойкая студентка.

— По-моему, Надежда Владимировна, эта девочка безуспешно пытается вас затмить, — сказал Герман.

— Ой, да я этого не боюсь, Гера, — весело ответила Надежда, — пускай смена подрастает!

— Рано тебе еще о смене говорить, — возразил Герман, — ишь ты, что задумала! Работай давай! Мы тебя не отпустим!

— Куда это она собралась? — удивился Игорь. — На покой, что ли? Хитренькая какая! Бросить нас хочешь? Это не по-товарищески! Коней на переправе не меняют!

— Вот-вот! Коней не меняют, — засмеялась Надежда.

— И разве ты сможешь просто прозябать в покое и бездействии, отдыхая где-нибудь у тихой речки? — спросил Игорь. — Не сможешь! — убежденно ответил он на свой же вопрос. — Жизнь —

это борьба, а борьба — это жизнь. Во всяком случае — для таких ненормальных, как мы!

— Почему — ненормальных-то? — поинтересовался кто-то.

— Политическая активность, особенно безрезультатная в течение долгого времени — это, наверное, одна из форм проявления психического нездоровья, — пояснил Игорь, смеясь.

— Говоря медицинским языком — диагноз, — услышался голос Сереги.

— Правильно, коллега! — согласился Игорь.

— А что, и правда, займись чем-нибудь другим, Надежда! Нечего от нашей партии ждать, — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Евгений, — постоянного лидера нет — ну какая мы партия?.. Меняем руководителей, как перчатки... продаемся за копейку...

Действительно, лидера у партии в настоящий момент не было, и за право возглавить ее боролись сейчас два средней руки политика, пришедшие со стороны и вряд ли разделяющие взгляды партийцев, а скорее всего — не имеющие об этих взглядах ни малейшего представления. Особых симпатий ни один, ни другой из претендентов не вызывали.

— Или уж найти бы олигарха, чтоб с денежками! Если продаваться — то за дорого, — продолжал излагать мысль Евгений.

— И с какими лозунгами мы за эти денежки на выборы пойдем? — попытался акцентировать наболевший вопрос Герман. — Какие олигарх подскажет?

— А сейчас мы — с какими пойдем? Думаете, нам эти господа свои мелкобуржуазные идейки не постараются навязать? — возразил Игорь. — Или мы денежками попользуемся, а их кинем?

— А кто нам помешает излагать наши собственные взгляды и отстаивать свою собственную позицию? — Виктор Николаевич удивленно поднял густые брови. Ему отстаивать собственную позицию никогда и ничто не могло помешать.

— Мы олигархам и не нужны! Они свои партии создают, чтобы прежняя идеология не мешала... и чтобы призраки прежних лидеров не путались... под ногами, — заметила Надежда.

— Ну, так и будем прозябать... на отшибе... За копейку успешную предвыборную кампанию не проведешь, — заключил Евгений.

— Почему идеология партии должна зависеть от финансирования?

Деньги и идеология путать нельзя! Как говорил один известный всем нам политик: «Мухи — отдельно, котлеты — отдельно». — Герман улыбнулся, вспоминая «известного политика», которому принадлежала эта фраза, и то время, когда все только начиналось... — Если уж кто-то идет к нам в лидеры, то пусть соглашается на наши условия, — как-то не очень уверенно сказала Надежда.

— Ну да! Как же! Будет содержать партию и при этом соглашаться «на наши условия»! — усмехнулся Виктор Николаевич. — Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, как говаривал другой известный нам политик.

— Или уж оставаться без лидера и прозябать в бездействии, сохраняясь только юридически... но тогда... разве это партия?

— И что же мы в таком случае здесь делаем? — спросил Евгений, зная ответ на вопрос.

— А в партии мы только потому, что она наша. Потому что мы сами ее создали. Никто нас в нее не тянул и на партсобрания за шкуру не таскал, — ответил Игорь.

— И идеологию никто нам не навязывал. Наша идеология — это наши собственные представления о гражданском обществе. И мы не хотим, чтобы эта НАША партия просто взяла и исчезла, — озвучил общее мнение Виктор Николаевич.

— Вот именно, — согласился Евгений, — так что... возьмем мы агитационные материалы и будем их у себя в регионах распространять!

— Все так, — согласился Герман, — только коренным образом влиять на ситуацию мы вряд ли сможем.

— Но ведь как-то... за державу обидно... как говорил знакомый нам политик, — тихо сказала Надежда, — земля ему пухом...

Партийцы загрустили...

За соседним столиком шел разговор о смысле жизни, о любви и справедливости...

— В суть жизни изначально закладывается способность жертвовать собой, то есть любовь! — говорил новосибирец Владимир.

— Жизнь без любви вообще невозможна! — услышался голос Валерия. — Но любовь и справедливость — понятия часто несовместимые. Любовь во всем выделяет кого-то одного, а справедливость предполагает, что все равны, — рассуждал сибиряк.

— Валера, а почитай свои стихи, — попросила Раечка, — что-нибудь из новенького...

...Кто захочет узнать,
Как мы жили и чем,
Пусть откроет тетрадь
И начнет свой запев, — продекламировал Валерий.

В кафе стало тихо: все прислушивались к голосу товарища...

— Издавать собираешься? — спросил Виктор Петрович.

— Не знаю еще, — неуверенно ответил начинающий поэт...

Откуда-то донеслась песня:

...Таганка, все ночи полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня...

— Для кого-то — Таганка, а для нас — Полтавка, — засмеялся Андрей, который состоял в партии всю свою сознательную жизнь.

Центральный штаб партии, с самого ее учреждения и по сей день, находился на улице Полтавской, или, как говорили партийцы, «на Полтавке». Даже газета, которую эпизодически выпускало это сообщество единомышленников, была ими любовно названа «Полтавкой»...

— «Полтавка, я твой бессменный арестант...» — поддержали, оживившись, друзья-соратники.

— Автор текста на нас не обидится? — спросил кто-то.

— Он нас простит, — ответили ему. — Мы же — со всем уважением...

Посидели еще немного. Звучала негромкая музыка, слышались знакомые, такие родные голоса друзей.

— Ой, ребята, как с вами хорошо! Но... пора на отдых, — сказала Надя, — завтра трудный день.

— Надежда Владимировна, ну давайте посидим еще немножко! — совсем по-детски заканючила Ирина.

— Пойдем, пойдем! Поздно уже! — тоном строгой мамыши возразила та.

— А что, Надя, в твоём отделении, я слышал, жесткая дисциплина? У тебя не забалуешь? Ты, демократка до мозга костей, практикуешь авторитарный стиль руководства? — смеясь, спросил Игорь.

— Ну и правильно, — поддержал Надежду Виктор Петрович, — мы — партия демократическая по идеологии, но внутри отделения не может быть никакой демократии! Иначе — разброд и шатания!

— Так что, Надежда Владимировна, значит, у тебя шаг вправо — шаг влево — расстрел? — не успокаивался Игорь. — Диктаторские у тебя замашки, Надежда!

— Клевета это все! Просто у меня в отделении все разделяют мое мнение, и не бывает никаких шагов ни вправо, ни влево, — засмеялась Устинова, — правда, Ирина? — нарочито грозным тоном спросила она.

— Да-а, — как-то неуверенно ответила та.

— Ну, пойдем тогда!

— Надюша, правда, посидели бы еще немножко, — попытался уговорить ее Виктор Николаевич, — так давно не виделись!

— Нечего молоденькой девчонке в такое позднее время в кафешке засиживаться, — ответила она тихо, — да и в нашем родном городе уже два часа ночи!

Попрощавшись, Надежда с Ириной отправились в свой номер.

КУПИТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ КНИГИ <https://book-academy.ru/product/v-rabstvo---na-ekskursiu-natala-bessonova>